

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ОРГАНИЗАЦИЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ДЕЛА В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ*

В.В. ДЕМЧЕНКО,
кандидат исторических наук, доцент, экономист
Калужский научный центр

Сберегательное дело всегда было важным направлением социально-экономического развития основных административно-территориальных единиц: оно свидетельствовало об уровне жизни населения, возможностях внутреннего рынка, инвестиционном потенциале региона, кредитных ресурсах. Вот почему проблема привлекала внимание с давних пор¹, а с возвращением на путь выстраивания рыночных отношений вновь стала предметом осмысления ученых и практиков². Вместе с тем ее изучение в ракурсе поселений и регионов, на которые главным образом легла функция организации сберегательного дела в развитых рыночных условиях, требует новых усилий. В этом отношении Калужская губерния конца XVIII – начала XX вв. представляет особый интерес: с одной стороны, она типична для таких регионов, с другой – в силу относительной географической близости к столицам живее откликалась на требования времени, активнее продвигала вперед перспективные наработки в банковском деле, наконец, отличалась

определенной спецификой в силу природных условий жизнедеятельности.

В то же время определяющее значение для повсеместного становления и развития сберегательного дела имели властные предпосылки как на общегосударственном, так и на местном уровнях. Они изначально строились на защите частной собственности, регламентировались в пользу физических лиц. Это прослеживается как в нормативных актах всех уровней и управленческой направленности, так и в практике соответствующих учреждений. По мере накопления и обобщения опыта совершенствовались инструменты обеспечения интересов вкладчиков, расширялись в их пользу права сберегательных структур.

В начале 60-х гг. XIX в. уже со всей определенностью установлено, что «вклады, вверяемые конторам Госбанка, не подлежат ни описи, ни отчуждению по каким бы то ни было основаниям...». Капитал конторы Госбанка и вклады населения «не могут быть обращаемы на общие государственные расходы». Спустя 10 месяцев, когда вместо сберегательных касс при Приказах общественного призрения, а также казначействах и городских думах были созданы городские сберегательные кассы, они также получили подобную законодательную защиту, так как находились с момента учреждения «под главным ведением Госбанка». В том же 1861 г. Госсоветом было решено «предоставить городским банкам, сообразуясь с ходом банковских операций вообще, определять самим размер процентов... по вкладам». Тем самым, с одной стороны, расширялись права в то время самых распространенных местных сберегательных структур, с другой – повышалась ответственность и их самих, и контролировавших их городских дум и управ за принимавшимися решениями.

* При написании статьи были использованы материалы из Полного собрания законов Российской империи. Изд. II и III и Государственного архива Калужской области.

¹ *Ососов В.Я.* Городские общественные банки в России. – СПб., 1872; *Гурьев А.Н.* Очерк развития кредитных учреждений в России. – СПб., 1904; *Кадобнов Ф.Ф.* Калужский общественный братьев Михаила и Павла Малютиных банк. – Калуга, 1912; *Левин И.И.* Акционерные коммерческие банки в России. – Петроград, 1917.

² Банки и банковские операции. Под ред. *Б.Ф. Жукова* – М., 1997; Банковское дело в России. Под общей ред. С.И. Кумок в 10 тт. Т.7. Сберегательное дело. – М., 1994; *Иванов А.Н.* Банковские услуги: зарубежный и российский опыт. – М., 2002; *Кашин Ю.* Российская сберегательная мысль: дореволюционная эволюция // Вопросы экономики. – 2004. – № 1; Российская банковская энциклопедия. Гл. ред. *О.И. Лаверушин* – М., 1995; *Стельмах В.С.* и др. Финансово-кредитная система Украины – России. – Сумы, 2000.

Упрочению сберегательного дела на местах, существенно помогло Городовое положение 1870 г., которое отнесло к предметам деятельности городского общественного управления содействие благосостоянию населения, «устройство кредитных учреждений на основании правил Положения о городских общественных банках». Это законодательно закрепляло за такими учреждениями определенную нишу на финансовом рынке, вселяло уверенность в их надежность.

В русле законодательных актов принимались ведомственные нормативные документы, детализировавшие правила осуществления общей линии. Министерством финансов предписывалось, что претензии его собственных структур подлежали удовлетворению лишь после исполнения обязательств по вкладам населения и иным займам у него.

К началу 1890-х гг. в стране сформировалась проверенная практикой нормативная база социально-экономических отношений, которая включила и кредитный Устав, очертивший структуру всех денежно-кредитных учреждений — государственных, представленных в губернии отделениями Государственного, Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков, а также государственными сберкассами, общественных — это главным образом городские общественные банки, ссудо-сберегательные кассы, и частных в лице Общества взаимного кредита, структур акционерных коммерческих и земельных банков, кредитного и ссудо-сберегательного товариществ. При этом особенно тщательно регулировалась и контролировалась деятельность государственных денежно-кредитных учреждений, чем занимался их специальный совет в составе председателя Госсовета, министра финансов, государственного контролера, а также шести выбиравшихся на каждые 3 года представителей дворянства и купечества. Как показало время, руководители и сотрудники именно этих структур продемонстрировали самые высокие профессиональные и моральные качества в лихолетье общественной смуты, обеспечили сохранность сбережений населения.

В соответствии с кредитным Уставом Минфину по согласованию с Министерством внутренних дел предоставлено право разрешать учреждение сельских банков или ссудо-сберегательных касс — таким образом, сеть сберегательных структур охватила всю страну, приблизила их услуги ко всем слоям населения.

Нормативными актами предусматривались и меры в отношении тех денежно-кредитных учреждений, которые не справлялись с принятыми на себя обязанностями. Они подлежали закрытию не только в связи с несостоятельностью (банк-

ротством), но и в том случае, когда их капитал уменьшался на 1/3 — и подобные решения принимались в самые короткие сроки, после чего следовали сообщения в «Сенатских ведомостях» с тем, чтобы кредиторы в течение 6 месяцев предъявили требования.

Городское общественное управление в лице собрания, городских Думы и Управы не только принимали к неуклонному исполнению общегосударственные установки, выполняли предусмотренные ими поручения, но стремились и сами создать благоприятные условия для учреждения и работы разного рода сберегательных структур, прежде всего путем подбора помещений, учредителей и руководителей, членов комитетов и контролирующих коллегий, наблюдения за деятельностью тех, которые были подотчетны им по закону. Все подобные проявления внимания властей разного уровня создавали предпосылки для становления и упрочения сберегательного дела в губернии.

Важнейшая роль в этом принадлежала православной Калужско-Боровской епархии, которая адекватно и оперативно откликалась на значимые общественные запросы, поддерживала начинания по созданию денежно-кредитных учреждений, приобщение к их работе широких слоев населения. Это обуславливалось необходимостью «насаждения среди прихожан начал бережливости и предусмотрительности», что содействовало «подъему народного благосостояния и общественной нравственности». Церквам и монастырям разрешалось помещать во вклады в государственные сберегательные кассы для получения процентов собственные средства без ограничения сумм. В 1916 г. причты ряда калужских приходов выступили с инициативой учреждения при них государственных сберегательных касс. Святейшим Правительствующим Синодом было разрешено создание подобных учреждений, при этом на соответствующих священноцерковнослужителей возложены организационные и контрольные функции. В разгар Первой мировой войны, когда постоянно ощущался дефицит денежных ресурсов и раскручивалась инфляция, решением Калужского епархиального съезда духовенства все свободные средства церквей было решено разместить в государственных ценных бумагах — в «Займе свободы». Многие священнослужители ревностно занимались устройством в приходах также тех объединений граждан, которые помогали в разрешении повседневных вопросов — разного рода кооперативов, всевозможных потребительских обществ, сельских банков, ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, иных учреждений мелкого кредита. Все это давало людям возможность преодолевать житейские

невзгоды на основе взаимопомощи, учило азам сберегательных отношений, содействовало здоровому образу жизни. Тем самым епархия выполняла функции духовного и консолидировавшего центра, способствовала присущими ей методами упрочению социально-экономического положения в губернии, дополняла властные предпосылки к зарождению и развитию сберегательного дела духовной составляющей, которая определяющим образом влияла на обязательность сторон в сберегательных отношениях.

Их экономическая основа создавалась в демографической и производственно-торговой сферах, в частности — динамикой населения, его занятостью, источниками доходов, условиями оплаты труда, потребительскими ценами. В целом все эти показатели имели устойчивую положительную тенденцию. За время укрепления сберегательной системы количество жителей выросло с 1 до 1,5 млн, только в 1900–1913 гг. прибавив 300 тыс. человек, или 25%, по плотности — 555 чел./кв. версту — Калужье занимало 2-е после Московской губернии место в Центральной России.

Природно-климатические условия, с одной стороны, сформировавшаяся за века мастеровитость жителей, с другой, обусловили широкое развитие местных промыслов — гончарного, кузнечного, плотницкого, санного, ткацкого, кружевного, маслобойного и до полусотни других. В 1912 г. ими занимались 51,4 тыс. человек — это в 2,4 раза больше, чем работали на 318 фабриках и заводах, и на четверть более, чем было десятилетиями раньше, когда они приносили в расчете на одного работника 57,2 руб., причем в начале XX в. они увеличивались из года в год. Самыми высокими при этом отличались боровские, жиздринские и медынские мастера.

Губерния занимала 1-е место в государстве по отходничеству, охватившем в 1912 г. 192 тыс. человек, т.е. в 3,7 раза больше, чем местные промыслы, и это не случайно: если в структуре доходов семьи работа в своем хозяйстве приносила 11%, занятие местными промыслами — более 17%, то отходничество — более 71%; в целом по губернии занятие местными промыслами приносило в год около 2,3 млн руб., а отходничеством — почти 11 млн. руб., т.е. в 4,8 раза больше³. Если учесть, что в обычных деревне или селе около 63% домохозяйств имели не менее 2 лошадей, 88% — 2 коров, 83% — 5 и более овец, 74% — по 2–4 свиньи и при том без лошади и коровы не было ни одного, то понятно, что занятие местными промыслами и особенно отходничеством позволяло нормальной трудовой

семье иметь свободные денежные средства, как следствие — нуждаться в цивилизованном их использовании, приобщаясь тем самым к клиентской базе сберегательных учреждений.

Городские жители хотя и были тесно связаны с сельской местностью — родственными отношениями, собственностью, зависели главным образом от заработной платы. У токаря А. Ефимова в ноябре 1899 г. она составила 69 руб., декабре — 43 руб., январе 1900 г. — более 45 руб., феврале — 59 руб., июне — 66 руб.; сверловщик И. Морозов получил в мае и июне 1901 г. по 42 руб., июле — 37 руб., августе — 40 руб.; менее квалифицированный рабочий И. Бурлаков получал в это же время по 65 коп. в день плюс заработанное по нарядам — в целом это приносило в месяц в зависимости от количества проработанных дней от 11 до 25 руб. В губернии фунт (453 г) хлеба ржаного стоил 2 коп., пшеничного — 7 коп., говядины I сорта — от 5 до 6,5 коп., баранины — от 8 до 12 коп., сала нетопленого — от 9 до 14 коп., масла коровьего — 25–26 коп. При таких розничных ценах немалая часть городских жителей имела возможность откладывать какую-то часть заработка, причем этой возможностью со временем располагала все большая часть населения. В иные годы размер средств во вкладах и на текущих счетах в денежно-кредитных учреждениях Калужья увеличивался до 40%. В значительной степени это обуславливалось и тем, что хранить деньги в сберегательных структурах становилось привычным.

Это не пришло сразу: государственное сберегательное дело уходит корнями в Сохранные казны, созданные в 1772 г. Хотя они располагались в столицах, их деятельность распространялась не только на москвичей и петербуржцев. П.С. Малютин первый взнос в уставный капитал Калужского городского общественного банка сделал 90 лет спустя ценными бумагами Московской Сохранной казны. Таким образом, и после учреждения других денежно-кредитных учреждений эмиссионная значимость этих первых сберегательных структур не была утрачена, сами они проработали до 1888–1895 гг. Уточнение этого обстоятельства имеет принципиальное значение, потому что Сберегательный банк РФ до сих пор ведет отсчет от 1841 г., «отдав» таким образом неизвестно кому 70 лет профессионального вклада предшественников. Именно сохранные казны стали предоставлять услуги по сбережению и приращению частных денежных средств из расчета 3%, затем — 4%, а позднее — 5% годовых, принимая их до востребования или на определенный срок. С тех пор берет начало и выдача вкладчикам именных (или на предъявителя — по усмотрению клиента) билетов. Из-за высокой минимальной суммы, появления новых

³ Свиридова Т.А. Калужское земство. 1865–1918 гг. — Калуга: 2000. — С. 54–55, 72.

денежно-кредитных учреждений, сосредоточения усилий на кредитных операциях их участие в сберегательном деле ограничилось 1850 г.

Однако к этому времени окрепли созданные 5-ю годами позднее Приказы общественного призрения (далее – Приказы). В отличие от предшественниц они учреждались по всей стране, были рассчитаны в сфере сберегательных услуг на более скромные средства, т. е. открыли их для всех социальных слоев. В Калуге Приказ получил право работы со средствами населения сразу после образования в 1777 г. Учитывая накопленный опыт, он начал со ставки по частным вкладам в 3% годовых, по казенным – 1,5%, через 2 года, стремясь расширить клиентуру, поднял первую до 4%, а при переоформлении государственных непрерывно доходных билетов на банковские даже до 5%.

О востребованности услуг Приказа можно составить представление по тому, что на 01.01.1857 г. в «приходе» числилось 1 669 076 руб., в январе 1858 г. поступило 42 218 руб., выдано 20 967 руб. Хотя после Крестьянской реформы 1861 г. оборотные показатели снизились – деньги стали нужны для упрочения собственности в земельных отношениях, в распоряжение Приказа передавались многие сотни тысяч рублей.

В знак признательности за организацию в 1777 г. Калужского наместничества здешнее дворянство возвело за собственный счет каменное трехэтажное здание стоимостью в 50 тыс. руб. Тут и разместился в качестве новосела Приказ общественного призрения (позже здание передали гимназии), принимавший на сберегательное обслуживание крестьян, учителей, служащих присутственных мест, мещан, церковнослужителей, дворян. Их возможности и спрос на подобные операции были различными, однако у всех изначально формировалось доверие к государственной системе сбережений, оно неизменно поддерживалось и властными структурами, и самими служащими денежно-кредитных учреждений.

В конце концов сеть государственных сберегательных касс стала достаточно разветвленной – они функционировали при казначействах, отделении Госбанка, почтово-телеграфных структурах, заводах и фабриках, общеобразовательных учебных заведениях, причтах православных храмов и т.д. – иными словами, всюду, где можно было максимально приблизить к себе потенциального клиента, создать наиболее благоприятные условия для его обслуживания.

Среди них и по времени создания, и по разветвленности сети в губернии выделялись те, что действовали при казначействах – появились задолго до государственных сберегательных касс при Ка-

лужском отделении Госбанка (далее – ЦСК), были представлены в уездах – всюду там, где были эти государственные финансовые учреждения. Хотя в структуре государственных сберкасс они уступали по своей доле госбанковским и почтовым, тем не менее в динамике нередко опережали их: в 1910 г. занимали 21%, а в 1914 г. – 29%, в то время, как госбанковские, соответственно, 50 и 41%, почтово-телеграфного ведомства – 29 и 30%. При этом прирост объемов сбережений в них за эти 4 года более чем удвоился, во всех же государственных сберкассах увеличился на 55%.

В целях сокращения платежей наличными деньгами государственные сберегательные кассы казначейств могли открывать частным лицам условные текущие счета, по ним вкладчики обязывались иметь определенный остаток (не менее 100 руб.), но «открытие производится не иначе как по предварительному обсуждению их благонадежности в учетном комитете учреждения банка, коему казначейство подотчетно»; клиент получал возможность рассчитываться чеками светло-голубыми для получения наличных и розовыми – для безналичных операций; зачисления на его счет и списания с него, а также переводные операции осуществлялись бесплатно, исполнение комиссионных поручений – за половинную плату; вкладчики могли распорядиться средствами на этих счетах посредством письма, но с предоставлением в ближайшее время соответствующих чеков с надписью «В подтверждение».

Строго оберегалась тайна вкладов. Когда полицейское управление Перемышльского уезда попыталось навести сведения относительно вклада на имя Пономарева, управление сберегательных касс Госбанка на запрос по этому поводу местной ЦСК-616 при казначействе сообщило, что подобное «требование не может быть удовлетворено», так как подобные сведения в соответствии со ст. 5 Устава государственных сберкасс сообщались только судам, опекунским установлениям, казенным палатам и податным инспекторам – иными словами, только тем, кто пополнял казну или удовлетворял финансовые претензии других физических лиц. До 1909 г. счета вкладчиков имели право проверять только управляющий казенной палатой, с 1909 г. в целях улучшения ревизионной работы допуск к этим документам получили также помощники управляющих, начальники отделений и чиновники особых поручений казенных палат.

Нормы сберегательного дела основывались, с одной стороны, на общегосударственных правилах, с другой – на анализе положения дел в конкретных учреждениях. Примечательно в этом смысле предписание управления госсберкасс четвертым сотруд-

никам, направленным 14 апреля 1904 г. в губернию. Руководство обязывало итоги ревизии счетоводства и делопроизводства в сберкассах соотнести с хозяйственным положением населения, на этой основе обсудить с заведующими сберкассами мероприятия к лучшей постановке сберегательного дела. К тому времени в Калужье уже завершилось создание системы коммерческих денежно-кредитных учреждений — тем значимее становился углубленный подход к резервам, он — помимо всего прочего — служил для нее примером аналитического восприятия действительности. В целом казначейские госсберкассы проложили путь широкому проникновению государственных денежно-кредитных учреждений в массу поселений, дали возможность новым структурам учесть их опыт и возможности в привлечении средств населения.

С учреждением в 1883 г. губернского отделения Госбанка эта задача стала для него одной из основных, однако «под главным ведением Государственного банка». Сберегательные кассы, находившиеся до этого при Приказах общественного призрения, казначействах или городских Думах, перешли с конца 1862 г. в его подчинение в качестве самостоятельных единиц со своим уставом, утвержденным Сенатом.

Этим документом предусматривалось, что сберкассы создавались для приема на сохранение и приращение небольших сумм, главным образом малообеспеченных людей.

В соответствии с Уставом сберегательных касс их образовывали по ходатайствам городских обществ, уездных съездов или по крестьянским делам Присутствия, а также по распоряжению Госбанка, когда речь шла о его структурах. Проценты по внесенным вкладам не облагались сбором с доходов, невостребованные проценты причислялись к капиталу с начислением на них процентов за полные месяцы, со дня взноса по 31 декабря. Размеры вкладов колебались в пределах от 25 коп. до 50 руб., но вместе с пополнениями не превышали 1 тыс. руб.

В губернском центре при отделении Госбанка работала ЦСК-135. Она оперировала вкладами двух видов — до востребования или условные, по последним распоряжение капиталом или процентами ставилось в зависимость от определенных обстоятельств (достижения оговоренного возраста, вступления в брак, истечения какого-то срока и т.п.); само отделение принимало вклады на вечное хранение, которые предполагали неприкосновенность капитала и выдачу вкладчикам одних процентов. Казалось бы, преимущества первых очевидны; тем не менее их доля в структуре вкладов существенно уступала последним: в 1896 г. во вкладах в ЦСК-

135 было размещено 203,8 тыс. руб., а в отделении Госбанка во вкладах на хранении — 6965,2 тыс. руб. — и это не исключение.

Подобное превосходство обуславливалось тем, что вклады вносили не только деньгами, но драгоценными металлами и изделиями из них, и ценными бумагами — последние приобретали в денежном обороте все большую значимость. Те, у кого накапливалось 100 руб. и более, поручали сберкассам приобрести для них на эти средства государственные 5%-ные банковые билеты, которые затем они могли или оставлять на хранение в сберкассе, или получить на руки. Такой порядок был выгоден клиентам, так как сами кассам начисляли по вкладам 4% годовых.

Важно то, что этими преимуществами все шире пользовались простые труженики. Крестьянин Калужского уезда Ф.И. Галкин сделал вклад на хранение в отделение Госбанка и получил специальное удостоверение с обстоятельным изложением обязанностей банка: тот осуществлял наблюдение за тиражами и конверсиями принятых на хранение государственных ценных бумаг и обязательств частных эмитентов, чьи тиражные таблицы публиковались в «Вестнике финансов», возобновлял за счет вкладчика купонные листы, выплачивал выигрыши по займам, обменивал тиражные бумаги на нетиражные, заменял по желанию вкладчика вышедшие в тираж бумаги на однородные. Вклад мог быть изъят в любое время, доходы по нему выдавались владельцу наличными. Все это побуждало людей к долговременным деловым отношениям с отделением Госбанка, способствовало приращению сумм вкладов на лицевых счетах. Как правило, они находились в пределах 1,1–12,5 тыс. руб., а на контроль калужское отделение принимало до 22 наименований таких обязательств.

Этим учреждением принимались также вещевые вклады. Каждый из них помещался клиентом в отдельный ящик, их выдача производилась банком или самому вкладчику, или уполномоченным им лицам. По почте пересылать их было нельзя.

Интересен опыт обеспечения массовости в сберегательном деле. Было признано необходимым «в целях предоставления малоимущим лицам удобнейшего способа к накоплению мелких сбережений» выпускать в обращение сберегательные марки, которые принимались впоследствии всеми сберкассами во вклады как наличные деньги. Такой способ расширения клиентской базы приобрел особенно важное значение для сельского населения. Здесь посреднические функции возлагались на сельских старост и волостные правления.

Вначале посредник получал марки авансом на 25 руб., потом он приобретал их из вырученных

сумм. Вознаграждение за эту работу составляло 1% от вырученных за марки средств.

Убедившись в том, что марки как сберегательный инструмент нашли поддержку на селе, дали ощутимый результат сберегательным структурам, стали внедрять их в общеобразовательных учебных заведениях. Для этого в них создавались с 1902 г. школьные сберегательные кассы под наблюдением лица, стоявшего во главе учебно-воспитательного процесса. Практическая сторона возлагалась, как правило, на одного из педагогов, который получал за каждую операцию по 2 коп. В его обязанности входили продажа сберегательных марок в 1, 5 и 10 коп., прием во вклады, отсылка в сберкассы сберегательных карточек с наклеенными марками и сдача наличности, выдача в качестве ссуды учащимся до 1 руб. Купив марку, ребенок наклеивал ее на карточку до тех пор, пока общая сумма не достигала рубля — тогда ему обменивали карточку на сберегательную книжку. По желанию учащегося вклад переводился в ту кассу, к которой прикреплена школьная сберкасса, как правило, в ближайшую. Такая практика, широко распространившись, позволяла «приучать население с детского возраста к мысли о пользе сбережений».

Населению было удобно то, что дополнительные взносы можно было делать не только в ту кассу, которая выдала сберкнижку, но и в любую госсберкассу. Для служащих, прежде всего государственных, общественных и других учреждений было организовано — правда, со второй попытки — обслуживание без личного обращения в сберкассу: достаточно было дать соответствующее поручение казначею (т.е. кассиру) своего учреждения, который в таком случае выступал в качестве официального посредника соответствующего денежно-кредитного учреждения; последние были заинтересованы в подобных обращениях, так как в июле 1915 г. им повысили нормы вознаграждения. За открытие каждого нового лицевого счета в сумме не менее 1 руб. им полагалось до 25 коп., за каждые внесенные вкладчиками 100 руб. — еще 25 коп., а клиентов с начала XX в. становилось все больше и больше в связи с ростом численности городских и земских структур.

Для клиентов госсберкасс было удобно и то, что в них они могли обезопасить себя от различного рода рисков и непредвиденных обстоятельств. В этих целях кассы осуществляли страховые операции, за которые служащие получали вознаграждение из отчислений от страховых премий. Не оставались без внимания и духовные запросы: принимались вклады граждан на имя определенной церкви с назначением процентов на поминание, контроль за выполнением кассой этого условия

осуществляли или сам жертвователь, или его доверенное лицо, или исполнитель завещания.

Не только сами частные лица, но и структуры с их участием получали определенные преимущества при обслуживании в госсберкассах. Те производили начисление процентов на остатки по текущим счетам торгово-промышленным товариществам, компаниям, благотворительным учреждениям, больницам, мастерским, заводам в тех случаях, когда те содержались на средства частных лиц (или находились в ведении городских или земских учреждений, представлявших интересы соответствующих групп населения). С этих счетов разрешалось по почте бесплатно переводить деньги, если подобный перевод не был сопряжен с выдачей наличности, при телеграфном же переводе оплачивалась лишь стоимость депеш. Исчисление процентов по остаткам на счетах производилось по количеству дней нахождения средств на них. Вместе с тем проценты не начислялись по текущим счетам тех, кто производил банковские операции в какой бы то ни было форме, а также по счетам в пользу казны, земств, городов, церквей.

Заслуживает особого внимания практика взимания с вкладчиков всякого рода платежей. Во-первых, не облагались пошлинами суммы до 1 тыс. руб. включительно, во-вторых, за услуги по переводам средств в рамках учреждений Госбанка — вне зависимости от места нахождения тех — физические лица уплачивали 0,05%, т.е. 25 коп. при переводе до 500 руб. и 0,04% при переводе от 501 до 1 тыс. руб. — правда, эти тарифы удваивались при телеграфном переводе. Плата за перевод не была постоянной: с 1901 г. ее взимали в размере 0,1%, если сумма перевода менее 10 руб., уплачивалась 1 коп.; в 1908-1909 гг. она составляла 0,2% от переводимой суммы, с 1 января 1910 г. — вновь 0,1%, при этом дополнительные взносы по книжкам других госсберкасс принимались во всех подобных структурах без взимания какой бы то ни было платы.

Исполнение других поручений клиентов облегчало то, что сберкассы хранили свободные средства в отделении Госбанка или ближайшем казначействе, и это позволяло им в любой момент рассчитывать на подкрепление в размере размещенных ресурсов.

Преимущества госсберкасс позволяли выдерживать достаточно жесткую конкуренцию в привлечении клиентов. Размещение свободных средств в сберкассах в отдельные периоды было менее выгодным с точки зрения доходности, чем вложения в ценные бумаги. К 1906 г. ставка по вкладам в ЦСК-135 составляла 3,75%, в январе 1906 г. повышена до 4%, а Крестьянский поземельный банк выплачивал в это время по своим свидетельствам

до 4,5%. С апреля состоятельность поднялась еще выше в связи с выпуском 5%-ного Государственного займа на 187,5 млн руб., к тому же доходы по нему навсегда освобождались от любых сборов. В июле 1906 г. в обращении находились также 4,5 и 5%-ные листы Дворянского земельного банка, а Крестьянский поземельный банк поднял ставку по свидетельствам до 5%. Тем не менее и в таких условиях госбанковским сберкассам удавалось не только сохранять клиентуру, но и удерживать первенство среди других касс. В начале XX в. их доля все годы удерживалась не ниже 41%.

Возрастание значимости ЦСК-135, расширение функций и улучшение результатов работы обусловило повышение ее статуса — с начала 1916 г. она преобразована в самостоятельное учреждение. Естественно, это повлекло рост качества обслуживания, стало иным и количество служащих. Вначале операциями кассы заведовал один из чиновников отделения Госбанка в дополнение к основным обязанностям, затем его полностью ориентировали на сберегательные дела, с 1894 г. сотрудников стало уже двое, потом численность все в большей мере отвечала новым, более сложным задачам.

Это сочеталось с постоянным контролем за деятельностью. Чаще всего в ходе ревизий не выявлялось каких-нибудь «упущений в ущерб внесенных кассе вкладов». Проверки осуществлялись внезапно, затрагивали в первую очередь кассу и кладовую, в состав проверяющих обязательно входили управляющий и старший ревизор губернской Контрольной палаты, один из гласных городской Думы. Сплошному пересчету подвергались не менее 1 млн руб. — это вся наличность кладовой и кассы, как правило, она занимала среди всех видов вкладов около 15%.

Главенствующая роль ЦСК-135 во всей системе сберегательных структур губернии закладывалась положением Государственного банка как центрального финансового учреждения страны, поддерживалась общегосударственными нормативными документами, тщательным подбором кадров и налаженным контролем за их деятельностью, самой большой ресурсной базой. Она признавалась всеми денежно-кредитными учреждениями, служила примером в постановке дела, аккумулировала перспективные профессиональные начинания.

Там, где не было госбанковских сберегательных структур, часть аналогичных обязанностей выполняли 8 почтово-телеграфных сберкасс. Они выдавали клиентам госсберкасс вклады, но не свыше 25 руб., «из сумм, поступивших во вклады сих касс», позднее ограничение размеров выдачи было снято, а позаимствованные наличные деньги восполнялись им ЦСК-135 незамедлительно,

по получении сведений о таких заимствованиях. Почтово-телеграфные кассы получали от ЦСК-135 в виде вознаграждения не менее 50 руб., причем за каждую выданную сберкнижку причиталось 10 коп., столько же — за каждые поступившие 100 руб. взносов, кроме того — за каждую находившуюся в обращении не менее года книжку. Половина этих сумм полагалась тому служащему ЦСК, который вел соответствующие счета.

К ЦСК-135 были приписаны также фабрично-заводские сберкассy на правах ее отделений. Владельцы предприятий с согласия и под надзором ЦСК уполномочивали определенных лиц для выполнения предусмотренных для них операций, но имущественная ответственность оставалась с 1888 г. на хозяевах.

Схожие цели преследовало развитие сети выездных отделений ЦСК. Они создавались при крупных пригородных предприятиях, располагавших надлежащими помещениями, средствами связи и охраной; как показал опыт, они обладали существенными преимуществами перед фабрично-заводскими сберкассами, главным образом качественного порядка. Подобная практика получила наибольшее распространение с середины 1915 г., когда к организации подключились фабрично-заводские инспекции. К этому побуждало прежде всего то, что многие калужские предприятия, получая крупные правительственные заказы, стали ускоренно развивать производство, выплачивать работникам «значительно повышенную заработную плату».

В годы Первой мировой войны в губернии располагалось много войск, госпиталей, иных тыловых структур, эвакуированных из западных областей банковских учреждений. Военное лихолетье, породив дополнительные трудности, не приостановило заботы о том, чтобы сбережение средств в системе госсберкасс было удобным для клиентуры, а правила максимально учитывали запросы людей. В мае 1915 г. Управление сберкасс Госбанка широко оповестило всех заинтересованных лиц о том, что Минфин распорядился разрешить сберкассам в лечебных местностях «для предоставления вкладчикам больших удобств производить частичную выплату вкладов по книжкам других касс, на основании особых удостоверений». В список были включены ЦСК-135, все почтово-телеграфные, а также сберкассy казначейств и железнодорожных станций.

ЦСК-135, другие кассы стремились выполнять обязательства перед клиентами даже в ходе революционного хаоса. 1 августа 1917 г. истекал четырехлетний срок, на который были выпущены 3,6%-ные билеты Государственного казначейства,

входившего тогда на правах департамента в систему Госбанка. Чтобы предупредить панику и как-то облегчить положение их владельцев, к погашению приступили досрочно и к установленному сроку успели оплатить их на 12 из 25,5 млн руб., остальные продолжили погашать с 1 августа; по желанию собственников эти билеты можно было переоформить в 4%-ные, а находившиеся во вкладах в отделениях Госбанка и казначействах заменялись в таком же порядке без особых заявлений клиентов.

В целом вся система государственных сберегательных касс изначально обеспечивала высокую надежность, являла собою образец в выполнении обязательств перед доверившими ей свои накопления, никогда не объявляла себя неплатежеспособной. Тем самым вносился существенный вклад в социально-экономическое развитие страны, повышение благосостояния различных слоев населения, удовлетворение повседневных потребностей людей.

С учетом первичного опыта госсберкасс родилась идея учреждения городских общественных банков. В то же время она не была направлена на адекватность в повторении; основа просматривалась в том, чтобы привлечь средства населения под его же собственные гарантии, овеществленные собственностью городского общества, и под его же постоянным контролем в лице городской Думы. Калужане в этом отношении уступили первенство вятичам и тверянам, но основываясь на опыте их учредителей купцов К. Анфилатова и К. Савина, пошли настолько дальше, что инициатива исконного калужанина, московского 1-й гильдии купца П. Малютина была поддержана императором за месяц с небольшим до выхода в свет Нормального (т.е. типового) положения о таких банках. Тем самым подчеркивалась значимость качества представленного проекта учредительных документов и размера взносов в уставный капитал, созданы предпосылки для привлечения ресурсов.

Это имело принципиальное значение, потому что в числе операций этих учреждений на первом месте по социальной значимости находились вкладные операции. К началу 1880-х гг. сумма средств, доверенных им населением, доходила до 4,8 млн руб. Уверенность калужан подпитывалась размерами собственного капитала этих банков, складывавшегося из основного (уставного) и запасного, потому что именно этот показатель давал первое представление о надежности кредитного учреждения, его способности выполнять обязательства перед партнерами. Соотношение его с обязательствами денежно-кредитных учреждений (суммами принятых вкладов, переучтенных векселей и других операций) влияло в конце концов

на всю деятельность. Стоило в 1883 г. изменить соответствующий норматив с 10- на 5-кратный, и началась полоса неурядиц, повлекшая подрыв положения некоторых общественных банков.

В конце концов вернулись к тому, с чего начинали.

Учитывая то обстоятельство, что операции с векселями и иными денежными обязательствами только начинали внедряться, фактическое соотношение централизованно контролировавшихся величин было ниже норматива, и именно этим доказывалась в Калужье обоснованность возврата к нормативу «10» (правда, только в 1912 г.).

Конкретные условия жизни в определенных поселениях, обстоятельства налаживания сберегательного дела диктовали своеобразие в правилах работы городских общественных банков. Малютинский в соответствии с §30 своего устава принимал от физических лиц вклады суммой не менее 50 руб. серебром — деньги по тем временам весьма немалые для большинства населения. Тем не менее у жителей губернского центра был достаточно широкий выбор сберегательного учреждения, а услуги малютинцев тоже не оставались невостребованными. Иными словами, сберегательная система была рассчитана на любой недостаток и на любые цели.

От последних в значительной мере зависела структура вкладов.

Преобладание доли срочных характерно не только в целом по Калужью, но и для каждого из городских банков без исключения: по ним всюду и всегда определялись относительно высокие ставки. По бессрчным (т.е. до востребования) они были несколько ниже, но зато давали возможность в любое время снять необходимую сумму, и это не влекло никаких санкций со стороны банка. Доля вечных несмотря на самую высокую доходность, в 8 из 11, т.е. почти в 73% этих учреждений не достигала и 4%.

О том, как варьировались ставки по вкладам в зависимости от видов, дает представление практика Боровского, Калужского и Козельского общественных банков. Их сумма вкладов — 3 435 тыс. руб. — во-первых, доходила до 72% размера во всех подобных структурах, во-вторых, включала данные по двум из трех самых крупных, в-третьих, вобрала данные и одного среднего, наконец, охватила разные части губернии. Иными словами, представительность очевидна.

Примечательно то, что продолжительность срочных вкладов начиналась с 1-2 лет, затем следовали интервалы 3-5, 6-10, иногда — 8 лет и, наконец, 10-12 лет. Каждый городской банк устанавливал ее самостоятельно, но верхний предел превышал 10 лет у всех.

Широкое распространение имела практика не востребоваания процентов, хотя их капитализация – в соответствии с Нормальным положением – не производилась. В Боровском в 1889 г. остались невзятыми 63% начисленных в качестве процентов сумм, в 1896 г. – 39%, в 1900 г. – 35%. Скорее всего, вкладчики в момент окончания срока договора отсутствовали по достаточно веским причинам, потому что за невостребованными процентами стояли многие тысячи рублей.

Городские общественные банки изменяли процентные ставки только по будущим вкладам, причем извещение о любом изменении публиковалось в прессе не позднее, чем за месяц до введения его в действие; как правило, проценты объявлялись на полгода, в июне и декабре. На вклад до 300 руб. вкладчику выдавались именные свидетельства или книжка, которые не передавались другому лицу без отметок в книгах банков. Если же сумма вклада составляла 300 и более рублей, то выдавался билет – именной или безымянный, по усмотрению владельца денег. Последние, как и свидетельства, принимались в качестве залога в присутственных местах, по казенным подрядам и поставкам.

Увеличению оборотов по сберегательным операциям способствовало то, что население получило возможность размещать свободные средства в принадлежавших городским и земским управам капиталах – строительном, дорожном, благотворительном, училищном, жертвованном и т.д., которые находились в городских банках, как и все иные средства местных бюджетов.

Первая мировая война вызвала огромные нагрузки на немобилизованных сотрудников: резко возросло количество выплат со счетов, в массовом порядке стали переводить вклады в полевые при корпусах и крепостные казначейства; утраты по военным обстоятельствам бланков сберкнижек, переводных уведомлений и взносных извещений потребовали соблюдения особых предосторожностей, эти документы пересылали только в казенных заказных пакетах; заявления о дополнительных взносах в эвакуированные затем сберкассы немедленно переправляли в Управление сберкасс Госбанка для распоряжений об исполнении.

Но и в этих условиях городские думы регулярно заслушивали отчеты руководителей городских банков, намечали меры по совершенствованию работы, строго взыскивали за нерадивость. Отчетам предшествовали комплексные ревизии силами специально формировавшихся думами комиссий. Все это создавало хорошие предпосылки для сохранения и приращения доверенных этим банкам средств населения.

Руководство и служащие всей банковской системы – государственных, общественных и частных структур этого уровня – видели в выполнении обязанностей перед вкладчиками важнейшую профессиональную и нравственную задачу, незаменимый ресурс совершенствования основной деятельности, достижения достойных качественных показателей. Надежность их устремлениям придавала нормативная база, выпестованная многими властными поколениями на основе осмысления опыта сберегательного дела.

Возникновением учреждений мелкого кредита губерния обязана немецким экономистам, чьи идеи, оперативно подхваченные костромичами, нашли воплощение прежде всего в товариществах – ссудо-сберегательных и кредитных, предназначенных прежде всего для хранения денежных средств населения. Их высокую эффективность наряду с паями стали со временем обеспечивать вклады населения, составлявшие почти весь объем – в отдельные годы до 98,8% оборотных средств. В отличие от банковских учреждений в структуре по видам вкладов перевес приходился на бессрочные (до 52%), доля условных не превышала 1,5%, а срочные в основном сосредоточивались на период до одного года – 39%, около 7% вносились на 1 год – 5 лет, остальные – на больший срок. В зависимости от продолжительности устанавливался процент по вкладам – от 5 до 7%. Во втором Калужском ссудо-сберегательном товариществе объем взносов превалировал над всеми добровольными поступлениями, составляя до 46%, что делало заемные средства более дешевыми и привлекало массу заинтересованных в членстве, обеспечивало большую часть прибыли.

С 1890-х гг. в губернии получили развитие кредитные товарищества, создававшиеся почти в 99% случаев не паевыми взносами как ссудо-сберегательные, а ссудами Госбанка, хотя и под ответственность всего товарищества, – и это вполне оправдало себя, потому что по мере упрочения этих образований не только их основной, но и запасный капитал стали создаваться из собственной прибыли. Это не было случайностью: размер вкладов вырос в 1904 г. в 1,5 раза, в следующем еще на 15%, в 1907 г. – в 1,5 раза по сравнению с 1905 г. Накопления производились в основном рядовыми тружениками. Доля крестьян среди вкладчиков составляла 40–42%, земледельцев – 41%, ремесленников – от 6 до 7%. В этом – свидетельство высокой востребованности подобных кредитных учреждений, возможность значительной части калужан разрешать через них многие семейно-хозяйственные проблемы.

В сельской местности на одно крестьянское учреждение мелкого кредита в начале 1900-х гг.

приходилось в среднем 5 574 руб. вкладов, что составляло около 20% оборотного капитала. Из 27 калужских волостных вспомогательно-сберегательных касс вкладные операции осуществляли только 8, или 29,6%. Процентная ставка у них не превышала 4% годовых, и это было основным сдерживающим моментом для населения, хотя территориальная доступность все-таки создавала этим учреждениям определенные преимущества. Немаловажно и то, что они 1891 г. освобождались от пошлин, так как их основной капитал являлся собственностью добровольного объединения.

На протяжении многих лет ответственно работало с вкладами Калужское общество взаимного кредита, насчитывавшее в 1875-1888 гг. в среднем 666 членов. Сумма срочных вкладов в это время колебалась от 210 до 350 тыс. руб., бессрочных – от 72 до 150 тыс. руб., на хранении – от 295 до 391 тыс. руб., а в целом доходило до 891 тыс. руб. Кроме того, посторонними лицами размещалось ежегодно от 45 до 140 тыс. руб. Среди негосударственных кредитных учреждений Калужское общество взаимного кредита в течение первых полутора десятков лет уступало по привлечению средств только Калужскому общественному банку. В 1889 г.

на отчетно-выборном собрании отмечалось, что «операции по вкладам свидетельствуют о полном доверии публики к этому учреждению». Работая в основном с состоятельными людьми общество ощутимо дополняло своими возможностями систему сберегательных структур губернии.

Таким образом, внимание государства к постановке сберегательного дела, правовое регулирование связанных с ним отношений, материальная поддержка многих денежно-кредитных учреждений, работавших с вкладами населения, позволили создать в Калужье широкую сеть учреждений со сберегательными функциями. Они заинтересовывали граждан в цивилизованном отношении к накопленным ценностям, обеспечивали на разнообразных условиях сохранение и приумножение доверенных денежных средств. Это служило взвешенному подходу людей к заработанному, приучало к бережливости, поднимало материальный и культурный уровень.

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и правительства Калужской области (проект 06-02-59209 а/Ц).